

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ*

УДК 330.3

В. Т. Рязанов

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Введение

После кризисного обвала 2008–2009 гг. мировая экономика продолжает находиться в ситуации неустойчивого и противоречивого развития, которая чревата возможными новыми острыми вспышками кризиса. Есть достаточные основания предполагать, что мировое хозяйство вступило в длительную фазу нестабильности, с характерным для нее неравновесным состоянием. Это означает, что к постоянно усиливающейся изменчивости рынков добавляется нестабильность самой глобальной экономики. Поэтому для ее функционирования приоритетное значение приобретает выработка нового подхода к экономическому регулированию применительно к неустойчивым и быстро меняющимся ситуациям в экономике. Затяжной характер выхода из рецессии в немалой степени порожден сбоями и рассогласованностью в действии сложившихся наднациональных (международных) и национальных регуляторов, что не могло не повлиять на снижение результативности антикризисных мер, ранее традиционно используемых.

Предварительно поясним, что в качестве наднациональных (международных) регуляторов выделяются институты (организации, центры), созданные на межгосударственной основе и функционирующие вне национальной юрисдикции, что отличает

* В настоящей рубрике представлены две статьи, подготовленные на основе докладов авторов на международной конференции «Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы» (Санкт-Петербург, 13–14 октября 2011 г.), посвященной С. И. Тюльпанову.

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. В 1972 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1978 г. защитил кандидатскую, в 1987 — докторскую диссертации. С 1968 г. работал в НИИКСИ ЛГУ, с 1972 — на экономическом факультете ЛГУ (СПбГУ). В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — заведующий кафедрой. Научные интересы — теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РГНФ.

© В. Т. Рязанов, 2012

их от регуляторов, действующих непосредственно в государствах. При этом определение наднациональной или национальной природы не только связано со сферой их ответственности — применительно ко всему мировому или национальному хозяйству, но и зависит от подчиненности и нацеленности на решение соответствующего круга задач. Важно также учитывать, что международные регулирующие органы, выполняя предназначенные для них функции по регулированию, стимулированию и надзору в сфере хозяйственной деятельности, должны рассматриваться в единстве с соответствующим набором экономических инструментов (методов, норм, правил и т. п.), которые разрабатываются ими и реализуются в национальных экономиках.

В этой связи можно утверждать, что экономическое развитие последних лет вновь актуализирует вопрос о том, насколько нынешняя хозяйственная модель обоснованна с точки зрения соотношения рынка и эффективного его регулирования национально-государственными или глобальными институтами. Поиск ответа на данный вопрос имеет фундаментальное значение для теории и политики и направлен, в частности, на оценку перспектив пересмотра характера взаимодействия международных форм регулирования экономики и национальных регуляторов, призванных обеспечить возвращение устойчивости и сбалансированности развития как всего мирового хозяйства, так и его национальных звеньев.

Обсуждению вопросов о необходимости разработки нового подхода к сфере регулирования рыночной экономики и к созданию системы антикризисной защиты предшлем оценку природы и причин мирового кризиса. Ведь именно современный кризис побудил обратиться к проблеме соотношения и роли наднациональных и национальных регуляторов в современной капиталистической рыночной экономике и поиску путей повышения их эффективности.

О природе мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

Анализируя возникшие трудности преодоления мирового экономического кризиса, таящего в себе опасность наступления периода достаточно длительной глобальной депрессии, полезно вспомнить прошедшие дискуссии, посвященные оценке его природы и причин. Экономистами предлагались разные трактовки. Одни считали кризис обычным и неизбежным при капитализме циклическим спадом, другие — кризисом в финансовой сфере, третьи обосновывали наличие системных характеристик, в нем доминирующих. Спустя три года после начала кризисной фазы, принимая во внимание один только факт высокой вероятности новой волны рецессии без предшествующей фазы подъема (так называемой *W*-рецессии), можно утверждать, что наиболее точной является оценка кризиса как системного, а потому и длительного, что, впрочем, не исключает присутствия в нем дополняющих циклических признаков¹.

Если бы кризис был сугубо циклическим, то проверенный на практике способ преодоления циклического спада, использующий денежную политику «количественного смягчения» за счет предельно низких значений учетной ставки и других мер в денежно-кредитной сфере, должен был бы привести к положительным результатам. Однако рекордно низкое значение учетной ставки, введенное в большинстве развитых

¹ Такая оценка содержится в «Докладе Стиглица», в котором указывается, что «переживаемый нами кризис является в полном смысле системным и к тому же многосторонним» [1, с. 34].

стран и действующее уже длительный период времени, не смогло вывести их в фазу устойчивого роста².

Что значит — кризис системный? Такая характеристика обусловлена его трактовкой как *первого всеобщего кризиса неолиберальной модели глобализации*. Выделим в нем одну, но сущностную черту. Она связана с оценкой кризиса как неудачной попытки демонтажа национального государства и его замены наднациональными структурами и регуляторами, действующими в масштабе всей мировой экономики. Подчеркнем, что замещение государственного регулирования международным раскрывает содержательный смысл глобализации. Именно такой подход к ее определению как к объективному процессу и в то же время как к политике более чем оправдан. Ведь введение нового термина — в данном случае глобализации — всегда преследует цель привнесения нового значения в устоявшиеся процессы. В противном случае не надо было бы его вводить, имея в наличии широкий набор понятий, раскрывающих мирохозяйственный аспект экономических отношений (международное разделение труда, интернационализация производства, мировой рынок, международная интеграция и т. д.).

Форсированное развертывание глобализации фактически лишило государства отработанных и привычных рычагов регулирования и управления. Неизбежным результатом такого процесса стала попытка «растворения» национального в глобальном вплоть до исчезновения первого, что предполагало исключение национально-цивилизационных факторов и макроэкономических регуляторов из числа таких, которые непосредственно влияют на экономическое развитие. Такого рода подход сопровождался призывами о необходимости разрыва с «национальной аксиоматикой», или с «методологическим национализмом», вместо которого предписывалось поставить в центр теории и политики «методологический космополитизм». В частности, РФ, как и другим странам, обеспеченным минеральными ресурсами, предлагалось отказаться от «ресурсного национализма» в пользу международного контроля над ними.

Причем в этой концепции замена национальных (государственных) регуляторов не была связана с появлением глобальных регуляторов, действующих вне рынка. Напротив, ее целью стало рождение по сути дела новой диктатуры — диктатуры «глобальных рынков». За этим скрывалась экспансия базовой неолиберальной установки об «эффективных рынках», которые при переходе к глобальному формату становятся еще более эффективными, а потому якобы рыночные принципы важнее национальных границ, институтов и регуляторов.

Возвышение глобального за счет денационализации государства, наблюдаемое в хозяйственной практике недавнего прошлого, выразилось в таких важнейших направлениях, как:

— форсированное устранение самих национальных границ в экономическом взаимодействии хозяйствующих агентов;

— акцентирование хозяйственных решений на первичности глобальных проблем и угроз для обеспечения устойчивого социально-экономического развития всего мира и каждой страны в отдельности;

² Ранее ФРС США в 1930 г. впервые за свою историю резко сокращал учетную ставку с 6% в октябре 1929 г. до 1,5% в сентябре 1931 г. В период же последнего кризиса она была уменьшена с 5–25% (сентябрь 2007 г.) до 0,00–0,25% (с марта 2009 г.), действуя по настоящее время. Что же касается ЕЦБ, то с мая 2009 г. в течение 24 месяцев из 30 эта ставка равнялась 1%.

— стремление подорвать сами основы национальной организации хозяйства и государства и перейти к новой постгосударственной (рыночно-сетевой) системе хозяйствования.

При этом ставка на сохранение экономической самостоятельности государства оценивалась как рудиментный элемент в политике, противоречащий реалиям и новым возможностям развития. Действующие в глобальной экономике центробежные силы разрывали национально-воспроизводственные связи. Соответственно, влияние и экономическая власть в условиях глобализации трактовались в контексте их перемещения от президентов и премьер-министров большинства стран в межгосударственные управляющие центры, а также в руки собственников и высших менеджеров ТНК, превратившихся в «мегакорпорации». Особо следует подчеркнуть, что утверждение национальной системы управления призвано было закрепить глобальную гегемонию США в мире как единственной сверхдержавы.

Относительно других государств происходящие экономические процессы служили, по мнению радикальных приверженцев глобализации, свидетельством реальной трансформации самой природы государства и его функций. В этой связи уместно сослаться на позицию экономистов и политологов, которые выдвигали гипотезу о целесообразности разграничения понятий «государство» и «национальное государство» (см., напр., [2]). Этим предполагалось, что в условиях глобализации происходит денационализация государства, в процессе которой оно превращается в «космополитическое государство», т. е. такое, которое в своей деятельности отстаивает не национальные, а космополитические интересы, фактически защищая приоритеты глобального лидера и транснационального финансово-спекулятивного капитала. Именно такое денациональное государство и становится проводником в действии глобальных регуляторов.

Еще одним близким по содержанию был прогноз об устранении национальной территориальности как основы для организации экономической и политической жизни. Вместо нее должно возникнуть замещающее «нетерриториальное функциональное пространство», размывающее исключительность значения привязки хозяйственных процессов к «месту пребывания» и формирующее «постсовременное гиперпространство». В предельном своем выражении концепция замещения государства в социально-экономической жизни находит выражение в идее создания мирового правительства, управляющего экономикой и миром из одного центра вместо национальных государств, которая наиболее полно представлена в теории мондиализма.

Конечно, такая радикальная версия глобализации разделялась далеко не всеми экономистами и политиками, не говоря уже о том, что ей изначально противостояла достаточно представительная оппозиция в виде многовекторного антиглобалистского движения. Нарастающее сопротивление глобалистской тенденции прежде всего было связано с выбором неолиберальной модели, главным проявлением которой стала финансовая глобализация. Ее становлению предшествовала *революция дерегулирования* в идеологии (конец 1970-х годов), которая заложила, как это чаще всего происходит, необходимое теоретическое основание скачка к новой экономике — экономике глобального рынка. Самая ее характерная черта — это ориентация на максимальное открытие национальных рынков (в первую очередь финансовых) для транснационального капитала. Наступление такой революции во многом объясняется действием двух причин: заметным падением эффективности используемых ранее методов государственного регулирования экономики, опирающихся на кейнсианство, и наступившей

в середине 1970-х годов тенденцией уменьшения нормы прибыли из-за перенакопления капитала. Окончательно данная экономическая модель стала доминировать в мировом хозяйстве в 1990-е годы, прежде всего благодаря развернувшейся череде по своей сути революционных изменений в информационно-компьютерной, финансовой и международной сферах.

Каков результат ослабления, а в каких-то случаях разрушения, самих границ между национальными рынками?

Ограничимся одним примером (более подробно см. [3]). Следствием открытости рынков стало то, что движение товаров между странами в возрастающих объемах осуществляется не через традиционные каналы внешней торговли, а как перемещение комплектующих изделий в рамках глобальных технологических цепей. Сама же внешняя торговля трансформируется в торговлю поверх государственных границ, образуя внутреннее транснациональное пространство мегакорпораций. В целом доля мировой торговли, приходящаяся на операции внутри фирм, выросла с 20–30% в 1960-е до 40–50% в 1990-е годы. В частности, более половины американской внешней торговли в стоимостном выражении было простым перемещением товаров внутри глобальных корпоративных сетей.

Что представляют собой последствия неолиберальной глобализации мировой экономики в режиме ее форсирования?

Они неоднозначны и противоречивы. Несомненно, по мере усиления глобализации появляются новые факторы, стимулы и источники роста. Несравнимо высокая емкость рынка и более сильная конкуренция создают дополнительные стимулы расширения производства. Не случайно, что в период до нынешнего кризиса мировая экономика демонстрировала впечатляющую динамику практически на всем своем пространстве. Вместе с тем его наступление выявило многочисленные негативные последствия, связанные с отрывом финансового сектора от реальной экономики, завышенными оценками возможностей экспортно ориентированной модели экономического роста с опорой на узкую специализацию в рамках международного разделения труда и т. д.

Произошедший системный кризис глобализации, имея многочисленные проявления, выразился также в неспособности сложившихся наднациональных регуляторов противодействовать стремительному нарастанию негативных процессов, а затем обнаружилось, что они не в состоянии вывести экономику из рецессии и создать эффективные стимулы посткризисного восстановительного роста. Вот почему преодоление системного кризиса предполагает смену модели функционирования экономики с перегруппировкой в ее регуляторах.

Кризис глобализации и роль наднациональных регуляторов: проблемы легитимности и соперничества

В глобально организованном мировом хозяйстве именно наднациональные институты должны были первыми активно включиться в борьбу с кризисом, разработав согласованную стратегию с набором эффективных антикризисных инструментов, если уж они и не смогли предотвратить его развертывание. Но этого не случилось. Самые авторитетные глобальные институты — МВФ и ВБ — фактически ограничились общими декларациями о вреде протекционизма и необходимости согласованных действий,

а также в ряде случаев предоставили дополнительные денежные средства особо пострадавшим государствам. Такие стандартные меры помогали, хотя и не всегда, при наступлении локальных кризисов в отдельных странах или регионах. При этом сфера ответственности этих международных структур не распространялась на антициклическую деятельность, а потому в условиях наступления всеобщего кризиса они оказались малоподготовленными к нему.

И это произошло вполне закономерно. Теоретически деятельность международных регуляторов предполагает замену или дополнение к национальным регуляторам, встроенным в механизм государственного управления. Для этого должны были быть не только созданы сами институты прямого и косвенного глобального управления, но и разработаны соответствующие инструменты для регулирования в глобальном экономическом пространстве, действующие по аналогии с макроэкономическими инструментами на уровне государств. Однако ставка на политику дерегулирования фактически блокировала теоретическую разработку принципов действия глобальных регуляторов при изменяющейся мировой конъюнктуре, не говоря уже об их реальном применении. Получилось так, что международные управляющие центры в условиях доминирования постулатов неолиберальной идеологии и политики занимались не столько созданием наднациональных инструментов регулирования, сколько лоббированием политики дерегулирования, реализуя рекомендации в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса. На этой основе формировалась эталонная национальная хозяйственная модель с соответствующим набором предлагаемых правил и норм, который распространялся повсеместно. Их внедрение в практику регулирования национальных хозяйственных систем фактически выступало способом осуществления надгосударственного управления, а сами такие формально национальные нормы и правила приобретали наднациональные черты. Поэтому крушение исповедуемой ведущими центрами глобализации господствующей модели регулирования обернулось их неспособностью эффективно противостоять мировому спаду, ими же и подготовленному. Неолиберальный багаж антикризисных мер явно недостаточен для преодоления системного кризиса.

Что же касается глобального гегемона — США, то именно в этой стране возник эпицентр кризиса, распространившийся в дальнейшем на все мировое хозяйство. Породив рецессию, американская экономика за счет своих ресурсов не смогла эффективно с ней справиться и тем более предложить действенные антикризисные инструменты, выступив в качестве локомотива, выводящего мировую экономику из кризисного падения.

Имелся и другой возможный сценарий глобального ответа на вызов, который предполагал оперативную реакцию уже группы стран-лидеров как ведущих игроков глобализации с выработкой согласованной платформы в проведении общей антикризисной политики. Казалось бы, для этих целей существовала «семерка» (плюс РФ), а затем и созданная «двадцатка». Но и в этом случае проводимые заседания и принимаемые решения с такой задачей в должной мере не справились. Достичь значимых договоренностей и согласованных мер, хотя бы в финансовой сфере, практически не удалось из-за несовпадения интересов, неодинаковых условий хозяйствования, расходящихся оценок происходящих событий и т. п.³ Особо подчеркнем, что трудность

³ Так, по существу, главным результатом переговоров в рамках «двадцатки» в ноябре 2008 г. стало решение о моратории на протекционистские меры в течение года. Но и оно не исключило принятия этих мер многими государствами.

в принятии согласованных решений дополняется еще большей сложностью в их практической реализации, даже если и удастся о чем-то договориться.

Почему произошел такой крутой сбой в деятельности глобальных институтов? Почему они оказались столь малоэффективными в тяжелой кризисной ситуации?

Для объяснения выделим ряд ключевых и взаимосвязанных причин. Во-первых, абсолютизация принципа саморегулирования рынков в хозяйственной деятельности полностью дискредитировала себя. Неолиберальное представление о том, что провалы рынка в национальных экономиках удастся преодолеть за счет экспансии рынков «вширь и вглубь», не подтвердилось. Ставка на глобальные рынки обернулась их глобальными провалами.

Глобальные рычаги регулирования, а в старой мирохозяйственной модели это прежде всего рынки, в кризисных условиях не сработали, тем самым доказав, что если они и действуют, то только при «хорошей погоде». Заметим, что эффективность регуляторов как раз и проявляется в экстремальных ситуациях, демонстрируя способность если не предотвращать, то хотя бы успешно преодолевать кризисные явления. Необходимо учитывать, что рыночное саморегулирование на деле означает ставку на абсолютизацию частных интересов и стимулов, опора на которые объясняет гипотезу об «эффективных рынках». Следствием такого саморегулирования является не только игнорирование общественных интересов, но и недооценка высоких рисков и неоправданных решений в бизнес-среде, последовательно ведущих к кризису. В итоге опора на «эффективные рынки» закономерно приводит к действию принципа: «Бизнес присваивает доходы, государство (общество) оплачивает его убытки».

Во-вторых, предпринимаемые экстренные антикризисные меры, направленные на установление контроля и регулирующего влияния межгосударственных институтов над финансовыми операциями и хозяйственными процессами, также не смогли эффективно сработать из-за недостаточной их легитимности. То, что в подавляющем своем масштабе они носили рекомендательный характер, резко снижало их применительную силу. К тому же предлагаемые решения, вырабатываемые путем непростого и длительного согласования позиций участников переговоров, отличающиеся несопадающими интересами и представлениями, неизбежно носят половинчатый характер, не позволяющий осуществлять назревшие коренные реформы. С этим связаны постоянное запаздывание в подготовке даже рекомендательных решений и фактическая неспособность договориться о радикальных преобразованиях.

Основная причина такой трудносогласуемой деятельности и еще больших сложностей в реализации даже принимаемых половинчатых решений связана с ограниченной легитимностью международных регулирующих органов, которая существенным образом ниже исторически сложившейся легитимности национальных государств и их институтов. Дело в том, что государство как отлаженный длительной исторической практикой институт по-настоящему способно создать наилучшие условия для функционирования рынков и деятельности экономических агентов с учетом конкретных условий хозяйствования и цивилизационного своеобразия. Тем более что в рамках государства складывается более однородная среда, не сопоставимая с огромной дифференциацией в глобальной экономике.

На современном этапе только государство обладает требуемой легитимной властью для обеспечения законности и правопорядка, защиты прав собственности и действия регулирующих институтов. Нарастающая по мере форсирования глобализации

напряженность между экономической логикой формирования рынков без границ и легитимацией государства как политического института, ее сдерживающей, должна рассматриваться как фундаментальное противоречие самой глобализации, требующее своего разрешения. По сути дела речь идет об усиливающемся расхождении между экономической глобализацией и политической интеграцией и возникшем между ними разрыве⁴.

Еще одним противоречием, существующим в самой хозяйственной сфере, является противоречие между сформировавшейся «экстерриториальностью капитала» и сохраняющейся национальной юрисдикцией относительно рабочей силы и природных ресурсов.

Возможно ли преодолеть возникшие разрывы и возродить глобалистскую тенденцию? Теоретически это достижимо, если будет устранена асимметричность глобализации в экономической и политической сферах, иначе говоря, если удастся реализовать давнюю идею формирования всемирного государства и создать мировое правительство с необходимым объемом полномочий и с работоспособными механизмами принуждения. На практике достижение такой глобальной сверхцели предполагает решение огромного по масштабам и широте охвата комплекса конкретных задач. Ограничимся только указанием на ряд из них: установление универсальных экономико-правовых правил и принципов хозяйствования с единой системой налогообложения, внедрение общемирового механизма формирования цен на большинство товаров и услуг, переход к мировым деньгам с соответствующим эмиссионным центром, замена национально-воспроизводственного глобально организованным воспроизводственным механизмом и т. д.

В обозримом будущем реализация этих задач представляется утопичной, учитывая неустранимую в своей основе дифференциацию условий хозяйствования в мире, несовпадение экономического поведения и национальных традиций и т. п. Кроме того, не менее существенным препятствием экономико-политической интеграции является то, что сама глобализация выступает сферой утверждения господства стран лидирующего центра, и прежде всего США как единственной сверхдержавы. В обоснованности такого подхода убеждает соответствующая оценка одного из ведущих американских идеологов Зб. Бжезинского, который четко сформулировал: «...глобальная гегемония и экономическая глобализация превосходно дополняют друг друга: США выступают за открытую глобальную систему, но они же в основном и определяют правила, решая, насколько они хотят быть зависимыми от этой системы» [4, с. 175].

Капиталистически организованное мировое хозяйство изначально построено так, что оно не может функционировать, не воспроизводя отношения соперничества и всевластия, гегемонизма и подчинения слабых игроков сильным. Либерально нацеленная глобализация не могла в принципе устранить этих родовых свойств капиталистического хозяйствования. Ее результат выразился в неизбежном и повсеместном обострении конкурентной борьбы, которая в условиях несовпадения экономических интересов становится еще одной из ключевых причин, подрывающих возможности согласованного использования наднациональных регуляторов. Причем для Запада

⁴ Этот разрыв предлагается устранить при помощи создания при ООН как самом легитимном международном институте Совета по глобальной экономической координации, призванного системно решать проблемы функционирования глобальной экономики (см. [1, с. 215–224]).

отказ от неолиберальной глобализации равнозначен потере своего доминирующего и привилегированного положения в мировом хозяйстве, закономерным следствием которого становится демонтаж модели избыточного потребления. Данная модель была внедрена благодаря потребителю перекредитованию, и ее упразднение ведет к сокращению значительной части привычных привилегий для среднего класса, которые играют роль защитной оболочки и социального буфера в современном капиталистическом обществе. В этих условиях выход из кризиса за счет стимулирования потребительского спроса ограничен. Остается возможность его переключения на инвестиционный спрос, базирующийся на резком увеличении расходов (в первую очередь государственных) на развитие нового и перспективного технологического уклада, на военные закупки и улучшение инфраструктуры.

Преодоление кризиса мировой экономики при сохранении ее глобального устройства в обновленном варианте может быть обеспечено и другим способом, если будет реализован новый курс на опережающий рост глобального потребительского спроса, а значит, и уровня жизни в развивающихся странах. В сущности, это предполагает перенесение антикризисных кейнсианских рецептов по стимулированию спроса с национальных экономик на глобальный уровень. Рост мирового совокупного спроса за счет развивающихся стран может оказаться эффективной антикризисной мерой. Вопрос только в том, насколько транснациональный капитал в состоянии поделить свои прибыли и властью с другими, а ведущие державы — отказаться от своей гегемонии в мире.

От «большой к малой глобализации»: от ЕС к США?

Именно сохранение ведущими странами своего доминирующего положения в мире в условиях резкого обострения противоречий и конкурентной борьбы за лидерство предопределяет наиболее вероятную реакцию на кризис глобализации. Вместо «большой глобализации» акцент переносится на «малую глобализацию» в варианте регионализации мирового хозяйственного пространства. Усиление роли региональных интеграционных объединений, созданных в достаточно однородной социокультурной и хозяйственной среде, может рассматриваться как более реалистичный проект форматирования интегрированных экономических пространств. Он дает возможность успешнее выработать согласованные и взаимовыгодные решения, формировать общие принципы регулирования хозяйственной деятельности и проводить единую политику, используя наднациональные регулирующие органы. Немаловажным преимуществом региональных экономических союзов является возможность сокращения трансграничных издержек за счет прозрачности границ.

В известном смысле регионализацию даже можно трактовать как своеобразную альтернативу «большой глобализации» и одновременно как попытку преодоления возникшего в ней системного кризиса. Заметим, что свобода доступа участников региональных блоков на рынки своих стран в принципе противоречит идеологии единого глобального пространства, и в силу этой причины она вызывала весьма сдержанное отношение к ней институтов «большой глобализации».

Процесс укрепления регионализации отражает реально существующую сегментацию глобализации в мировом хозяйстве, обусловленную неодинаковой степенью включенности регионов и отдельных стран в интеграционные процессы и разными

уровнями развития экономик. Более того, благодаря регионализации создание многомерных и тяжеловесных центров глобального управления может быть замещено построением более эффективных и эластичных региональных управленческих структур и регуляторов, трансформирующих мировое хозяйство в определенную совокупность «больших экономических пространств». Вероятно, что при таком понижении уровня глобального управления до регионального сохранится потенциал развития межстрановых объединений на основе использования фактора расширения емкости рынка и возможности сохранения контроля над ключевыми ресурсами.

Не случайно процесс регионализации в мировой экономике становится значимым способом объединить усилия групп стран по преодолению последствий кризиса и укрепить позиции на рынках в условиях глобальной экономической нестабильности и обострения конкурентной борьбы. Потенциально он может привести к серьезной перестройке в мировом хозяйстве с появлением более крупных региональных организаций (или перегруппировкой действующих) и даже коалиций государств по защите общих интересов, которые тем не менее будут конкурировать друг с другом вплоть до варианта «столкновения цивилизаций».

В 2010 г. в мире насчитывалось свыше 20 «продвинутых» интеграционных объединений, ставящих своей целью постепенное объединение их хозяйств путем сближения экономико-правового механизма хозяйствования, прежде всего во внешнеэкономической сфере. Что же касается более простой формы регионализации, к которой относятся региональные торговые соглашения, то их число превышает 280.

Каковы возможности и перспективы «малой глобализации»?

Как показывает хозяйственная практика, эффективное функционирование региональных союзов предполагает соблюдение ключевых условий. Пример ЕС как наиболее амбициозного интеграционного проекта подтверждает, что мало для этого убрать барьеры на пути движения товаров, денег и людей, перейти на единую валюту и непрерывно расширяться. При этом следует иметь в виду, что именно ЕС дальше всех продвинулся в развертывании интеграционных процессов, направленных на перемещение экономического суверенитета с национального на наднациональный уровень, особенно после принятия Лиссабонского договора в 2007 г., который вступил в действие с 1 декабря 2009 г. Так, до 3/4 экономических законов и правовых норм, проходящих утверждение в национальных законодательных органах, предварительно разрабатываются в надгосударственных органах ЕС. Более того, особенностью европейского объединения является наличие собственного права, которое непосредственно регулирует межгосударственные отношения, а также отношения граждан и юридических лиц. При этом право ЕС характеризуется прямым действием во всех странах, входящих в него, и обладает приоритетностью по отношению к национальному законодательству.

Важной интеграционной характеристикой Евросоюза является применение принципа его исключительной компетенции в таких сферах хозяйства, как таможенные правила, политика в области общих торговых норм, конкуренции, денег, сохранения морских и биоресурсов.

Дополнительным показателем экономической интеграции выступает плотность экономических связей внутри Союза. Согласно имеющимся данным, в среднем 2/3 внешнеторгового оборота стран ЕС приходится на участников этой интеграционной группировки; свыше 3/5 потоков прямых иностранных инвестиций осуществляется внутри нее.

Тем не менее мировой кризис показал, что даже это, казалось бы, состоявшееся объединение не устояло перед ним, продемонстрировав свои зоны уязвимости, которые характеризуют общие трудности регионализации экономики при «незавершенной интеграции».

Речь идет о том, что согласованные правила регулирования экономики при наступлении рецессии легко нарушаются, поскольку национальные интересы и стремление местных правящих элит создать для себя более комфортные условия оказываются важнее поддержания прочности Союза. С этим связано, в частности, неисполнение принятых на себя базовых обязательств по соблюдению финансово-бюджетной устойчивости в еврозоне, которые Маастрихтским соглашением были определены относительно накопленного госдолга — в размере не более 60% ВВП, бюджетного дефицита — не более 3% ВВП. С учетом огромного объема денежных ресурсов, вброшенных для подавления кризиса, средняя величина госдолга стран ЕС-27 в середине 2011 г. составила 82% ВВП, а еврозоны (ЕС-17) — 89% ВВП⁵, в том числе Греции — 142, Италии — 119, Ирландии — 97%. Еще хуже обстояло дело с дефицитом госбюджетов. Установленная норма 3% ВВП в 2010 г. была превышена в ЕС-27 до уровня 6,4%, а в еврозоне — 6,0, в том числе в Ирландии дефицит госбюджета достиг 32,4, в Греции — 10,5, в Великобритании и Франции — по 7% ВВП.

Возобновление кризисных процессов, эпицентр которых переместился в страны ЕС, испытывающие колоссальное давление из-за долгового перенапряжения, убедительно подтвердило: интеграция, даже экономическая, не может долго оставаться односторонней и должна в равной степени быть глубокой и синхронно продвинутой во всех сферах деятельности государств (экономика, финансы, госбюджет, социальная сфера и т. д.). Одновременно не менее важно для нее иметь единую и централизованную систему регуляторов, управляющую экономикой как единым целым. Это означает, что и для региональных объединений нельзя исключить соблюдение принципа симметричности и синхронности экономической и политической интеграции.

Данная проблема имеет еще один аспект, связанный с постановкой вопроса о гипотетическом существовании определенного «предела экономической интеграции». Таким пределом может оказаться падающая эффективность управления по мере роста масштабов экономики и сложности возникающих взаимосвязей в условиях избыточной разнородности и разноуровневости развития субъектов интеграционного процесса. Приходится считать с тем, что история пока дает примеры образования больших государств не столько из экономической логики, сколько из действия геополитических факторов и особенно внешних угроз. В этих условиях в перспективе судьба ЕС как единого государства, сформировавшегося под воздействием экономической целесообразности, представляется весьма проблематичной. При этом следует признать, хотя бы теоретически, что в конечном счете историческая жизненность любого экономического союза зависит от того, насколько его участники готовы в перспективе, пусть и долгосрочной, завершить процесс хозяйственной интеграции образованием единого и жизнеспособного государства. Экономика с общей валютой и единым управлением в рамках государства — всегда более прочное и надежное образование.

Исторический пример ЕС и особенно экономическая модель еврозоны, основанные на принципе консенсуса в принятии решений при сохранении политического

⁵ В номинальном значении внешний долг ЕС-27 равнялся 10,3 трлн евро, ЕС-17 — 8,2 трлн евро.

суверенитета, подтверждают, что в условиях несовпадения экономических интересов и действия разнородных политических сил экономические союзы не в состоянии оперативно и эффективно реагировать в нестабильной ситуации.

Отрыв экономической от политической интеграции в ЕС, поспешность в объединительном процессе стран с сохраняющимися существенными различиями в уровне развития и типе хозяйственного устройства — все это в условиях мирового кризиса обострило внутреннюю несопряженность данного интеграционного Союза. В итоге неизбежно возникает вопрос о его судьбе в существующем составе, усиливаются сомнения по поводу жизнеспособности евро как единой валюты, ставшей главным скрепляющим звеном в экономической интеграции Европы. Ведь острота нынешнего долгового кризиса в еврозоне порождена фактическим демонтажем внутренних денежных инструментов в проведении макроэкономической политики антициклического регулирования, которое не было компенсировано полноценной работой наднациональных регуляторов. По большому счету, они и не могли этого сделать из-за особенностей создания данного интеграционного устройства, рассчитанного на безоблачное и неограниченное временными рамками существование. В результате возникший кризис долгов образовал общую связь с кризисом евро. Поэтому одновременное разрешение этих двух кризисов предполагает выход стран (возможно, временный), обремененных долгами, из зоны евро. Этим возвращаются в арсенал государств монетарные рычаги преодоления долгового кризиса с восстановлением необходимой их независимости в проведении антикризисной политики и вместе с тем обеспечивается усиление устойчивости евро на рынке мировых валют. Таков наиболее рациональный экономический сценарий разрешения кризиса в ЕС. Мешают осуществиться ему опасения запуска всеобщей дезинтеграции и высокие политические риски.

Последние события, которые происходят в ЕС, раскрывают попытку реализовать альтернативный сценарий, нацеленный не на замораживание, а на углубление интеграционных процессов. Он представлен в выдвинутом в конце 2011 г. плане реформирования ЕС, предложенном Саркози и Меркель, в котором сделана ставка на формирование по сути дела европравительства с проведением жесткой согласованной экономической политики по широкому фронту, начиная от общих принципов бюджетирования и завершая налоговой унификацией⁶. Его реализация позволит существенно укрепить бюджетную дисциплину и усилить полномочия наднациональных органов управления. Фактически речь идет о варианте демонтажа системы национального экономического суверенитета с выходом на создание Соединенных Штатов Европы (СШЕ), призванного спасти ЕС от саморазрушения. Сразу же следует подчеркнуть, что при всей оправданности предлагаемых мер с точки зрения интеграционной логики этот вариант представляется запоздалым, а потому его шансы на успех весьма проблематичны.

Анализируя возможность осуществления этой идеи, стоит вспомнить о том, что сама она не нова. В начале XX в. ее уже выдвигали в числе стратегических приоритетов в европейской политике. Так, в 1914 г. К. Каутским была предложена концепция «ультраимпериализма». В ней обосновывалась гипотеза о его переходе на стадию

⁶ Важным элементом в его реализации стало принятие 2 марта 2012 г. Пакта о бюджетной дисциплине, который подписали 25 из 27 государств ЕС, за исключением Великобритании и Чехии. Он ужесточает требование к бюджетному дефициту до 0,5% ВВП с сохранением общей величины долга не более 60% ВВП, одновременно вводя штрафные санкции при нарушении бюджетной дисциплины.

интернационализации хозяйственной деятельности, которая должна сопровождаться отказом от насилия, господства и войн в разрешении возникающих экономических и политических противоречий в пользу формирования ненасильственных межгосударственных отношений. Одним из результатов такого развития должно было стать объединение Европы в единое государственное образование — СШЕ, а в более отдаленной перспективе прогнозировалось образование всемирного картеля, управляющего мировым хозяйством при помощи установившегося господства транснационального финансового капитала.

По сути дела, К. Каутского можно рассматривать в качестве провозвестника современной концепции глобализации. Не стоит забывать, что эта инициатива закончилась войнами и революциями, радикальным образом изменившими архитектуру мирового сообщества. Полезно также вспомнить, что при выдвижении лозунга СШЕ его бесперспективность весьма пронизательно раскрыл В. И. Ленин. В статье с характерным названием «О лозунге Соединенных Штатов Европы», опубликованной в 1915 г., он отмечал, что ультраимпериалистические союзы, в том числе и Соединенные Штаты Европы, при капитализме «либо невозможны, либо реакционны». Если они и возникнут, то лишь как «временные соглашения» [5, с. 354].

Главные причины, которые обусловили утопичность старого варианта СШЕ, были связаны с острыми противоречиями между европейскими странами, их соперничеством и борьбой за рынки и ресурсы. К тому же неравномерность экономического и политического развития, которая, согласно взглядам Ленина, приняла на империалистической стадии форму закона, усиливала существующие противоречия и антагонизмы.

Интересно и то, что еще один мыслитель (О. Шпенглер) примерно в те же годы опубликовал труд под названием «Закат Европы»⁷, сквозной темой которого стал анализ начала увядания западного мира как исчерпавшего свой потенциал специфического типа культуры.

Насколько на современном этапе противоречия и пределы в развитии западной цивилизации, конкурентная борьба могут рассматриваться в качестве непреодолимого барьера в судьбе европейской интеграции? И не станем ли мы свидетелями теперь уже «заката ЕС»?

Во всяком случае, кризис подтвердил, что угрозы дезинтеграции не исчезли, о чем свидетельствует, в частности, расхождение позиции о реформировании ЕС Германии и Франции, с одной стороны, и Великобритании — с другой. По этому поводу полезно вспомнить высказывание Ш. де Голля, сделанное им в начале интеграционного пути Европы в 1962 г. Прошедший период времени показал, что французский президент не без оснований называл интегрируемую Европу «самоблокирующим ансамблем», предвосхитив оценки нынешних «евроскептиков».

Однако, пожалуй, в настоящее время важнее еще одно обстоятельство. Оно связано с тем, что упрочение интеграции с неизбежностью порождает трудноразрешимую дилемму. Дело в том, что достигнутый уровень экономического развития ЕС в целом уже не в состоянии обеспечить поддержание установившегося достаточно высокого уровня жизни населения, сглаживая возросшие социальные различия на всем европейском пространстве после включения в 2004 г. в свой состав большой группы

⁷ Первый том книги «Закат Европы» О. Шпенглера был опубликован в 1918 г.

восточноевропейских и прибалтийских государств⁸. Ведь ЕС, декларируя себя в качестве социально-солидарного объединения, в течение длительного периода проводил целенаправленную политику сокращения отставания наименее благополучных стран и регионов, формируя тем самым притягательный имидж для пополнения своего состава, используя так называемый *демонстрационный эффект*⁹. Проводя такую перераспределительную политику, данное интеграционное объединение по этому параметру может вполне рассматриваться как обновленный вариант «евро-СССР».

До кризиса политику выравнивания удавалось проводить, но ценой наращивания долга и усиления разрыва между социальным развитием и реальным экономическим потенциалом, тем самым снижая конкурентоспособность европейской экономики на мировых рынках. В условиях кризиса этот разрыв превращается в наиболее острую и болезненную проблему, разрушающую европейское единство, основанное на конструкции социального рыночного хозяйства и политике всеобщего благосостояния.

Из этого следуют два возможных варианта решения данной проблемы: либо восстановить сбалансированность экономического и социального развития (и для этого придется понизить уровень жизни в тех странах, в которых он экономически не подкреплен), либо поддерживать достигнутый уровень жизни во всех экономически более успешных странах и в последующем посткризисном периоде своими ресурсами неизбежно обрекая ЕС на общую социальную, а затем и экономическую стагнацию, с вытекающими политическими последствиями в виде роста повсеместного недовольства, конфликтности и политического брожения во всех странах.

Удастся ли ЕС выйти из этой ловушки «необеспеченного социального государства», в котором он оказался, и как это будет сделано? Этот вопрос чрезвычайно сложный, и ответ на него трудно прогнозировать. Тем более что он обусловлен взаимодействием многих факторов, действующих не только в Европе. Вместе с тем следует принять во внимание, что подход к разрешению этой проблемы в немалой степени зависит от того, как в дальнейшем будут соотношены экономический рационализм, присущий западному мировоззрению, с политической мечтой о единой Европе, основанной на общих ценностях и устремлениях. Учтем: произошедшая прагматизация ЕС, особенно ставшая значимой после его самого масштабного расширения, выдвинула на передний план получение выгод и выигрышей, а не укрепление общих ценностей, что обостряет противоречия между ними, делая их трудноразрешимыми.

Для нас же важно, что исторический опыт ЕС, как ранее и СССР, должен тщательно учитываться в развертывании интеграционного процесса на постсоветском пространстве, чтобы в будущем не допустить непродуманных решений. И одновременно мы должны видеть в развитии интеграции вполне разумную защитную реакцию на кризис глобализации с поиском выхода из него.

⁸ В своем нынешнем расширенном составе ЕС-27 уровень ВВП по ППС в 2010 г. на душу населения варьировался между его участниками в диапазоне от 11,6 (Румыния) до 82,6 тыс. долл. США (Люксембург) при среднем значении по Союзу в 32,7 тыс. долл.

⁹ Так, пороговым критерием для получения помощи регионами является уровень ВВП на душу населения, если он не достигает 75% от среднего уровня в ЕС. Именно поэтому на развитие региональных проектов сегодня направляется свыше 30 % от общего бюджета ЕС, а это более 50 млрд евро в год. Подчеркнем, что получают такую помощь не страны, а непосредственно конкретные регионы, что должно укреплять интеграцию Европы, ослабляя национально-государственные узы.

Государство и национальные регуляторы в постглобальной экономике: новое качество

Итак, кризис вынудил государства в срочном порядке вернуться в экономику. Этим подтверждается, что оно на сегодняшний день остается единственным по-настоящему легитимным институтом, способным подчинить стихию рынка и направить ее в нужное русло. При этом традиционный недостаток государства, состоящий в бюрократизации управления, не исчез при переходе к глобальным рынкам. Более того, запущенный процесс глобализации обернулся быстрорастущей ролью нового носителя бюрократизма — *международной бюрократии*, представленной разросшимся чиновничьим аппаратом наднационального уровня. Сформировался новый глобальный управляющий класс или «новые кочевники», по определению Ж. Аттали [6, с. 95], а власть превратилась в «глобальную паутину».

Ограничимся двумя примерами. Так, аппарат управления ЕС в Брюсселе насчитывает 20 тыс. человек, и только на обслуживание его переводчиков ежегодно затрачивается более одного миллиарда евро. Еще пример. Действующий Лиссабонский договор, заключенный вместо евроконституции (2005 г.), которую из-за разногласий не удалось принять, включает 358 статей с огромным количеством подпунктов (для сравнения: Конституция США состоит из 7 статей с 26 поправками, а Конституция РФ включает 137 статей). Такой детально расписанный регламент организации общественно-хозяйственной деятельности не столько отражает потребность в четкости прав и норм, сколько характеризует серьезные трудности, с которыми приходится сталкиваться в процессе согласования и поиска компромиссов участниками ЕС. Вряд ли в таком громоздком варианте он станет по-настоящему эффективным правовым инструментом.

Пример ЕС свидетельствует о том, что функционирование надгосударственных институтов — дело весьма затратное, а главное, то, что они чаще всего не ведут к более эффективным управленческим решениям. Это означает, что глобальное управление не в состоянии изжить бюрократизм, а рынки, даже мировые, не являются достаточно эффективным средством его преодоления, как это часто представляется либеральным экономистам.

Еще один характерный пример, связанный с возможностями «малой глобализации» в замещении государственных регуляторов. В ЕС быстрее и дальше всего этот процесс продвинулся применительно к формированию Европейского центрального банка, что неудивительно. Дело в том, что центральные банки в европейских странах в соответствии с действующими нормами выступают как самостоятельная ветвь экономической власти, напрямую неподконтрольная национальному правительству. Поэтому передача их полномочий на наднациональный уровень не столь существенно сужала экономический суверенитет в текущей хозяйственной деятельности, хотя и заметно ограничивала проведение внутренней денежной политики в интересах макроэкономического регулирования.

Значимость и уникальность государства как института, создающего и эффективно использующего экономические регуляторы, подкрепляются разного рода новыми альтернативными концепциями, призванными разрешить главную проблему глобализации — повысить легитимность ее власти. В этой связи сошлемся на выдвигаемую концепцию глобального переустройства мира в посткризисную эру на основе превращения США в новую мировую империю — «Американскую империю» [7]. Как обосновывает Д. Лал, либеральный экономический порядок в мире может быть утверждён,

если США возьмут на себя две главные функции: поддержание международного правопорядка и защиту прав собственности. И ими ограничатся, исключив навязывание другим странам стандартов американского образа жизни и экспорт западной системы ценностей. Иначе говоря, предлагается вариант завершения формирования гомогенного (глобального) экономического пространства, основанного на американском военно-политическом руководстве, при сохранении цивилизационного многообразия и общественного устройства в рамках мировой империи. Тем самым благодаря такому имперскому проекту будет обеспечена требуемая легитимность наднациональных экономических институтов и их регулирующих инструментов, подкрепленная признанием мировым сообществом имперских правомочий и опирающаяся на эффективную систему принуждения.

Таков экзотический замысел, призванный устранить изъян нынешнего глобального проекта. Сразу же следует отметить, что он не менее утопичен, чем проект «мирового правительства». Во-первых, США уже не в такой экономической форме, чтобы выступать военно-политическим гарантом в мировом сообществе. Во-вторых, не только страны, входящие в данный момент в лидирующую группу стран, но и рождающиеся новые лидеры — «развивающаяся сверхдержава» (КНР) и «восходящий гигант» (Бразилия), вряд ли согласятся на такое доминирование какой-либо страны.

Вообще же следует подчеркнуть, что утверждение легитимности власти, будь она основана на всеобщем избирательном праве или на других началах, в конечном счете определяется тем, насколько признают ее законной жители своей страны, а применительно к глобальному проекту — все мировое сообщество. В этом случае органы власти (правительство, армия, полиция и т. п.) приобретают должный авторитет. Рассчитывать на то, что в условиях существующего разношерстного мирового сообщества можно получить такой мандат на властные полномочия, не приходится. Легитимность не столь просто поддерживать даже в рамках одной страны, о чем свидетельствуют революции, перевороты и другие радикальные изменения в сфере властных отношений, регулярно происходящие в мире.

Попутно заметим, что легитимность ЕС при наличии множества наднациональных институтов и правовых документов также уязвима, прежде всего имеется в виду доминирование бюрократического характера в разработке и принятии правил и норм. Этим порождается контраст с демократическими режимами стран, входящих в еврообъединение. На данный момент можно констатировать, что ЕС как интеграционная организация функционирует преимущественно в бюрократически-управленческом формате с ограниченными демократическими институтами и процедурами, что ослабляет его легитимность.

Обсуждая проблему восстановления значимости национальных регуляторов в постглобальной экономике, привлечем особое внимание к вопросу о роли протекционизма в преодолении кризисных процессов. Ведь выбор режима взаимодействия национальной экономики с другими странами — важнейшая прерогатива государства.

Стоит напомнить, что первой реакцией на Великую депрессию было повсеместное распространение протекционизма. Причем инициатором выступили США, которые в июле 1930 г. приняли таможенный закон, вводящий запретительный импортный тариф в размере 40% на 800 видов товаров. Это не могло не породить ответных мер, что привело к началу торговой войны между странами. В 1931–1932 гг. 76 стран повысили таможенные пошлины и ввели импортные квоты. В результате уровень мировой

торговли в 1929–1934 гг. упал на треть. В 1934 г. в США этот закон, от которого в большей степени они же и пострадали, был отменен. Их экспорт за этот период сократился с 5,2 млрд до 1,7 млрд долл. Приведенный пример подтверждает, что всеобъемлющий торговый протекционизм с точки зрения развития всего мирового хозяйства способен лишь углубить экономический спад в мире. Снятие барьеров во внешней торговле — важный рычаг преодоления кризиса всей мировой экономики.

Вместе с тем обратим внимание на то, что использование протекционистской политики как антикризисной меры может быть достаточно успешным в тех странах, которые располагают необходимыми ресурсами и развиваются преимущественно в самодостаточном режиме с ориентацией на внутренний рынок. В качестве примера можно сослаться на опыт экономики СССР. Форсированная индустриализация в нашей стране продолжалась на высокой скорости, несмотря на масштабный спад ведущих мировых держав в период Великой депрессии. Или другой пример — современный впечатляющий экономический рост КНР, который сохранился в условиях мирового кризиса за счет своевременного переключения на освоение необъятного внутреннего рынка и защиты своей валютно-финансовой сферы от внешних шоков.

Что же касается нынешней ситуации, то заявленные декларации о необходимости сохранить открытость торговли и не допустить возрождение протекционизма не помешали большинству стран в том или ином объеме вводить защитные меры¹⁰. Хотя они и не носили массивного характера, но тем не менее объем мировой торговли в разгар кризиса (2009 г.) сократился на 12%, в том числе и под влиянием протекционистских мер.

Следует обратить внимание на то, что современный протекционизм, выступая в виде традиционных мер по селективной защите ключевых и стратегически важных отраслей производства от иностранных производителей, вместе с тем приобрел новые формы проявления. В последнем случае речь идет о сфере валютно-финансовых отношений. Известно, что на современном этапе валюта и манипулирование ее курсом стали грозным финансовым оружием. Многие страны разными способами стремятся обеспечить ослабление собственных валют, чтобы добиться конкурентных преимуществ в борьбе на мировых рынках. Такая ситуация уже получила название валютных войн, пришедших на смену торговым войнам. Особенно она артикулирована в политике США относительно заниженного, по их оценке, курса китайского юаня. Характерным примером наступательных действий в этой сфере стало принятие Сенатом США законопроекта (октябрь 2011 г.) о санкциях против стран, манипулирующих валютными курсами. Согласно ему, американское правительство вправе будет взимать компенсационные таможенные пошлины на импортируемые товары из стран, которые искусственно занижают курс своей национальной валюты.

Новые формы протекционистской политики подтверждают назревшую потребность в пересмотре мирохозяйственного устройства в наступающий постглобальный период. Так, рядом экономистов выдвигается концепция о необходимости реорганизации мирохозяйственных отношений на принципах сбалансированности внешней торговли с тем, чтобы устранить существующие перекосы в мировой торговле

¹⁰ Так, например, в феврале 2009 г. Палата представителей Конгресса США поддержала движение «Покупай американское», а в принятом пакете мер по стимулированию экономики на сумму около 800 млрд долл. при реализации инфраструктурных проектов предусмотрено использование только американской стали и промышленных товаров.

и не допускать их в будущем, защищая мировую экономику от разрушительных кризисов [8]. Такого рода идеи представляют собой своеобразное возрождение меркантилизма, возникшего на заре капитализма.

В конечном счете реализация данной концепции предполагает существенное переформатирование ВТО (с переходом к ВТО-2), которое должно включать в свой состав государства, проводящие политику сбалансированной внешней торговли и контролируемых курсов валют. По существу, речь идет о пересмотре теоретических и практических установок, сложившихся в международных экономических отношениях, и о переходе к политике обеспечения устойчивого и пропорционального развития, призванной оптимизировать соотношение внутреннего и внешнего спроса, а значит, добиться сбалансированного сочетания действия внутренних и внешних факторов экономического роста. Особенно данная проблема значима для больших экономик. Одним из ее проявлений стал переход от политики «аутсорсинга» к политике «инсорсинга» (возвращения производства и рабочих мест в национальные хозяйства развитых стран).

Заключение

Подводя итог проведенного анализа, предложим следующие выводы. Во-первых, преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу посткризисного развития потребуют существенной коррекции во взаимодействии наднациональных и национальных регуляторов. Государство и используемые им регуляторы представляют собой наиболее отработанные и легитимные инструменты упорядочения стихийных рыночных процессов, роль которых существенно возрастает в условиях экономической нестабильности. Усиление роли государства и его регуляторов равнозначно восстановлению контроля и регулирования рыночных отношений, приходящему на смену безграничной либерализации. На данный момент другой реальной альтернативы нет, и вряд ли она появится в ближайшей перспективе.

Вместе с тем при нынешнем переплетении и взаимозависимости национальных экономик не обойтись без межгосударственных структур, что предопределяет необходимость глобальной координации направлений совершенствования экономического регулирования¹¹. Особенно это касается финансовой сферы, надежное управление и надзор над которой в рамках государства в сложившейся хозяйственной системе и с учетом наличия высоких внешних рисков трудно обеспечить. В этих условиях либо финансовая сфера должна быть возвращена в режим полноценного национального контроля и регулирования, либо необходимы эффективно работающие наднациональные органы финансового надзора. На данном этапе создание в 2009 г. Совета по финансовой стабильности с широкими функциями по разработке финансовых стандартов, мониторингу и надзору как раз нацелено на последующее формирование системы глобального финансового регулирования. Возможно, такой подход окажется успешным.

Во-вторых, наднациональные (межгосударственные) институты, созданные после Второй мировой войны, требуют радикального реформирования. Это не означает свертывания мирохозяйственных отношений с переходом к закрытости и замкнутости

¹¹ При этом усиление роли взаимозависимости национальных экономик некоторыми экономистами рассматривается в качестве причины ожидаемого в посткризисный период смещения регуляторов на межгосударственный уровень (см., напр., [9, с. 26]).

в границах национального рынка. Международное экономическое взаимодействие и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и развивая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях и новых международных стандартах организации хозяйственной жизни. Фактически речь должна идти о замене политики замещения экономического суверенитета государств, основанного на массированном внедрении наднациональных регуляторов, на политику международной координации и точечные меры в хозяйственной сфере, которые уже давно назрели и требуют согласованных действий всего мирового сообщества. При всей сложности согласования и принятия такого рода документов было бы вполне логично в рамках перестраиваемой системы мирового рыночного хозяйства добиться реализации ряда назревших международных форм регулирования экономики по таким направлениям, как: внедрение в практику «налога Тобина» (налога на спекулятивно-финансовые трансакции), расширение экологических ограничений в контексте развития идеологии Киотского протокола, ужесточение международного контроля и в перспективе закрытия оффшорных зон, активизация борьбы с бедностью в мире.

В-третьих, государство не может не быть национальным (мононациональным или многонациональным), объединенном цивилизационной общностью (или хотя бы совместимостью), взаимными интересами, историческими связями и т. п. Этим определяется доминирующее значение национальных экономических интересов в проводимой политике и в организации международной экономической деятельности. Вместе с тем возвращение государству центральной роли в выработке национальной экономической стратегии с выполнением им стимулирующей и регулирующей функций требует решения ключевой задачи — обеспечения высокого качества государственного управления. Это тем более важно в связи с тем, что используемые государствами стандартные антикризисные меры не принесли значимых результатов. Поэтому приоритетным направлением формирования и развития инновационной экономики должно стать внедрение инноваций в сфере государственного управления. Возможное их направление, как свидетельствует накопленный хозяйственный опыт, предполагает переход к политике *нового дирижизма*. Его реализация предполагает поиск обновленных и более эффективных форм государственного вмешательства, которые не ограничиваются ставшими уже традиционными мерами по созданию государственного сектора в экономике и отработанными методами прямого и косвенного государственного регулирования. Предстоит, с одной стороны, осуществить назревшую перестройку экономического устройства, направленную на демонтаж финансово-спекулятивной модели и восстановление значимости реальной экономики и ее атрибутов (авторитета и привлекательности производительного и творческого труда, науки, образования и т. д.); с другой — выработать более гибкие методы регулирования, позволяющие обеспечить эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования, плана и рынка, общественных и частных интересов, одновременно усилив внимание к мониторингу, надзору и контролю в хозяйственной сфере в интересах как усиления антибюрократической защиты, так и активизации борьбы с монополизмом. При этом акцентирование внимания на общественных интересах в проведении политики дирижизма важно для понимания нетождественности государства и общества, что определяет исходные предпосылки для исключения возможности приватизации государства бюрократическим аппаратом управления.

Реализуя дирижистский подход в экономике, следует иметь в виду, что качество национальных регуляторов определяет качество самих рынков, их устойчивость и способность поддерживать экономический рост и давать своевременный ответ на новые вызовы.

Литература

1. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. М., 2010.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007.
3. Рязанов В. Т. Деглобализация, или Регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10. С. 3–19.
4. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство, или Глобальное лидерство. М., 2010.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26.
6. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
7. Лал Д. Похвала империи. М., 2010.
8. Брюне А., Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М., 2012.
9. Сутырин С. Ф. Глобальный экономический кризис как фактор трансформации международной торговой системы // МЭиМО. 2011. № 8.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.